

Юлия Галанина
Приключения поваренка Бублика
Серия «Акватика», книга 6

текст книги предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168903
Юлия Галанина «Трое из Города»: издательство «Теза»; Винница; 2008

Аннотация

Это повесть из сказочного цикла про волшебный город Акватику, где люди верят, что произошли от аквариумных рыбок и поклоняются богу-сому. Замковую Кухню Акватики пригласило на кулинарный турнир одно далекое островное государство – но путь туда неблизкий, да и пираты не дремлют...

Содержание

Поясnilка	4
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	14
Глава четвёртая	19
Глава пятая	21
Глава шестая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юлия Галанина

Приключения поварёнка Бублика

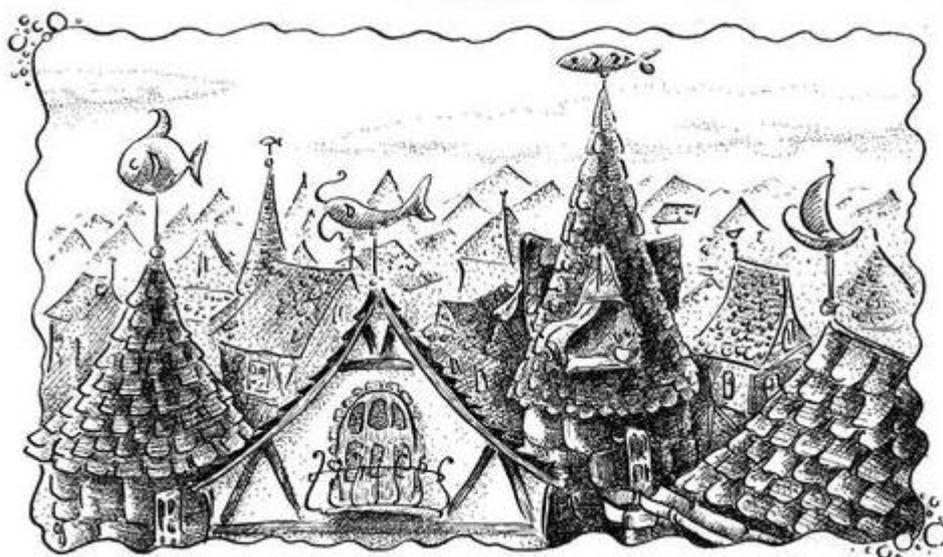
книга шестая

Поясnilка

Карта Акватики очень простая: справа налево течет река, сверху горы и снизу горы, а у левого края карты, – море. Река называется Мерон, а море – Западное.

И недалеко от впадения Мерона в Западное море стоит славный город Акватика, жители которого верят, что произошли от рыб, и поклоняются Великому Торакатуму – богу-сому.

Акватика – город-королевство, управляется она королём, король живет в замке.

А поскольку для акватиканцев их Акватика – лучшее, единственное в своём роде место на земле, они пишут так: Город управляется Королем. Король живет в Замке.

Королевский Замок расположен в сердце Акватики: Цитадели.

А вот что является сердцем самой Цитадели, – тут мнения расходятся. Ведь помимо замка там есть и Гарнизон, и Ристалищное Поле, и подвалы с казной, и архив Города, и еще много-много чего.

Например, Замковая Кухня... Кто посмеет сказать, что она не важна?

Глава первая На кухне

“Хорошо тому, кто родился Гонцом, Оружейником или Меченосцем... – мрачно думал Бублик, стоя с ножом в руке. – Если твой отец Меченосец и дед был Меченосцем и прадед, то ты, конечно, можешь стать Вышивателем Знамён, если захочешь, но зачем быть кем-то ещё, когда можно стать Меченосцем?...”

А если отец повар, и дед повар, и прадед, и прапрадед... И мама, и бабушка, и прабабушка, и прапрабабушка... И дяди, и тётки и все, буквально все родственники – повара и поварихи...”

– Тот начинает свой путь с поварёнка, – вздохнув, вслух сказал он.

Но из-за гомона, стоящего на Замковой Кухне, его никто не услышал.

Шкворчали толстодонные чугунные сковороды, бурлили пузатые, похожие на бочки, кастрюли, глухо стучали ножами повара, разделывающие мясо, птицу и рыбу.

Бублик ещё раз вздохнул и понес нарезанный репчатый лук (целую гору лука в глубокой миске) Главному Повару, который, словно полководец битвой, командовал приготовлением жаркого.

Обычно Бублик смотрел на жизнь веселее, но когда режешь лук, трудно не прийти в плаксивое настроение. Да и не только в луке было дело...

В последнее время Бублику на Замковой Кухне приходилось несладко. А временами – так и вовсе горько. Примерно, как сейчас.

К своему удивлению миску с луком до Главного Повара Бублик донёс благополучно.

Главный Повар одобрительно нахмурился, (посторонний человек подумал бы, что он страшно разозлился) и белые кусочки лавиной посыпались в глубокую сковороду с кипящим золотисто-зелёным маслом, где они сразу покрылись пузырьками, зашипели и запротестовали, превращаясь из белых сначала в прозрачные, а потом в золотые квадратики.

Бублик понёс обратно опустевшую миску.

Он шагал по длинному проходу между двумя рядами разделочных столов, за которыми повара и поварята резали, лепили, смешивали, размешивали и делали ещё тысячу с лишним дел, превращая продукты в еду.

Бублик старался идти прямо и независимо, держа голову высоко поднятой. Поэтому не заметил, как из-под одного стола высунулась длинная ручка поварёшки, загнутая на конце.

Высокий черноволосый поварёнок, действуя ручкой, как крюком, поймал Бублика за ногу и резко дёрнул.

Поддетый за щиколотку Бублик упал плашмя, металлическая миска с грохотом заскакала по каменному полу Замковой Кухни, перекрывая своим шумом даже гомон, царящий вокруг.

Высокий поваренок радостно усмехнулся, вернул поварёшку на место и принялся деятельно чистить яблоки для пирога, словно он и не отрывался от этого занятия.

Бублик в кровь разбил колёнку о каменный пол и сильно прикусил язык. Он с трудом встал и, хромая, догнал миску.

Все кругом смеялись. Никому и в голову не пришло, что Бублика даже тошнит от боли. И все были уверены, что он растянулся на полу из-за собственной неуклюжести.

Бублик добрался до своего места и опустился на трехногий деревянный табурет. Колено отчаянно ныло, язык во рту неудержимо увеличивался, как увеличивается тесто в кипящем масле, раздуваясь из тонких лепестков в пухлые подушки. Казалось, язык не просто распухает, но и раскаляется.

Вчера, когда поварята сдавали еженедельный летний экзамен, компот Бублика оказался солёным, а суп – отвратительно сладким. Главный Повар, лично принимавший супы и компоты, ничего не сказал, лишь пошевелил бровями и поставил жирный минус в зачётную книжку.

Бублик знал, что в суп насыпали сахару, а компот посолили Перец и Батончик. И подножку сейчас подставил тоже Перец. И в тёмной кладовой его позавчера толкнули в ларь с мукой они же. И табурет сиропом вымазали поза-позавчера.

И Бублик прекрасно знал, почему они это делают. Из зависти.

Когда для поварят с Замковой Кухни закончились каникулы, и началась обычная кухонная жизнь, Бублик рассказал другим поварьятам, каким захватывающим у него получилось начало лета, когда он вместе со своими друзьями, юными Гонцами и внуком Оружейника, искал в Лабиринте похитителя людей.

Рассказ страшно разозлил Перца и Батончика – стерпеть, что кто-то из поварят провёл лето лучше, чем они, эти двое не смогли. И начали исподтишка изводить Бублика всем, чем только можно.

Силы, как водится, были неравны, – Перец был выше Бублика на голову, а Батончик не только выше, но ещё и толще в два раза.

И они никогда не сталкивались с Бубликом в открытую, делая мелкие и крупные пакости за спиной, нападая в темноте кладовых и подвалов Кухни или портя его работу.

Если бы об этом узнал кто-нибудь из друзей Бублика, грустить пришлось бы Перцу и Батончику. Но Бублику гордость не позволяла признаться, что его обижают. А пока он думал, как же самому справиться с обидчиками, росло количество синяков и шишек на его теле. Сегодня список пополнился коленкой и языком.

А язык между тем так распух, что во рту уже не осталось свободного места. И отчаянно болел.

– Сходи-ка ты до лекаря! – вдруг услышал Бублик над своим ухом бас Главного Повара. – А то сидишь, как вертел проглотил. Тётушка Гирошима сегодня здесь, в Аптекарском Огороде ковыряется. Понял?

– Да... – с трудом выдавил шёпотом Бублик, слез с табурета и пошёл из кухни, мечтая превратиться во что-нибудь, у чего нет языка, а значит и нечему болеть.

Почему-то на ум первым приходил медный колокол, хотя у колокола-то как раз язык имеется, и немаленький.

* * *

Тётушка Гирошима, самая искусная травница и костоправка в Акватике, делала ревизию на грядках, разбитых в закутке между Замком и стеной Цитадели и (попутно) с удовольствием наводила ужас на Смотрителя этих грядок.

С незапамятных времен, на случай войны и осады, в Цитадели был разбит Аптекарский огород, где на грядках и клумбах вместо капусты и морковки росли целебные травы, из чьих цветов, листьев, стеблей и кореньев можно было сделать лекарства.

Тётушка Гирошима по просьбе Короля изредка заглядывала в Аптекарский огород, чтобы проверить, всё ли там в порядке.

И каждый раз, по мнению тётушки Гирошимы, порядка в огороде не было.

Вот и сейчас она безжалостно перечисляла недостатки.

– Мало света, много зданий, мало места!!!

– Да-да, – покорно кивал головой унылый Смотритель. – Но что же делать... Стена мешает, – мы же в крепости.

– Убрать, раз мешает! – категорично махнула рукой тётушка Гирошима. – Будь я Смотрителем... – с нажимом в голосе добавила она.

Смотритель и так не сомневался, что окажись завтра на его месте решительная лекарша, каменную крепостную стену, окружавшую Цитадель, со всеми её зубцами, бойницами и переходами безропотно бы сломали и построили новую на таком расстоянии, которое не мешало бы расти травкам на опекаемых тётушкой Гирошимой грядках.

Он с тоской озирался по сторонам, прикидывая, как бы сбежать и спрятаться, и первым увидел тихонько бредущего к огороду Бублика.

– Госпожа Гирошима! – обрадовался Смотритель. – К вам пациент!

Тётушка Гирошима оторвалась от грядок и из-под ладони посмотрела туда, куда он показывал.

Вот кто даже издали понял, что Бублику плохо. Она бросила лопатку, которой подкапывала растения, и поспешила ему навстречу. Подхватила под руку и помогла пройти.

Посадив поварёнка на каменную скамью у источника, из которого поливали Аптекарский огород, тётушка Гирошима, наскоро сполоснув руки, сразу же занялась сбитой коленкой.

Промыла ранку, сорвала прямо с грядки какое-то растение, приложила к ссадине его длинные тёмно-зеленые листья и забинтовала выуженным из украшенной оборками цветистой сумки полотняным бинтом.

– Рот открой! – скомандовала она.

Бублик послушно, хоть и с трудом, открыл рот, – и даже у тётушки Гирошимы, много повидавшей в жизни болячек, глаза удивлённо округлились:

– Великий Торакатум! Скажи “а-а-а-а”.

Бублику очень хотелось, чтобы “а-а-а-а” за него сказал Великий Торакатум, потому что вместо “а-а-а-а” у него получилось непонятное “ы-ы-ы-ы-ы”.

– Всё ясно, – мрачно произнесла тётушка Гирошима, повернулась и пошла между грядок, отыскивая нужную ей травку.

Споласкивая блестящие зелёные листья в струйке воды, которая вытекала из рта каменной рыбки и падала в выложенную разноцветной галькой чашу, она сказала:

– С таким “а” тебе придётся помолчать недели две-три. А то и четыре, если не пять. Пока отёк не спадёт. Подойдёшь вечером ко мне домой, я дам тебе настойку, будешь полоскать рот. А пока держи во рту эти листья, – будет не так больно. На.

Бублик неохотно положил на раскаленный язык крохотные шершавые листики. Они пахли зимним утренним ветром и на вкус были холодные, как льдинки. Во рту тоже стало прохладно, и боль утихла.

– Пойдём-ка, я скажу пару слов вашему Главному, – повела Бублика обратно на кухню тётушка Гирошима.

– Ну и что? – равнодушно сказал Главный Повар, когда услышал, что Бублик не сможет говорить почти месяц. – Руки-то у него остались. А еду, слава Великому Торакатуму, не языком готовят. До конца его смены ещё час, так что он вполне успеет почистить горох для рагу.

Бублик пошёл к своему столу, где его уже ждала горка зелёных стручков, из которых надо было извлечь горошины.

В глазах наблюдавших за ним и перемигивающихся при этом Перца и Батончика плескалось затаенное, но полное удовлетворение.

Глава вторая У короля

В Цитадели было много главных.

Главный Повар считал Замокковую Кухню самой важной частью Акватики.

Ну посудите сами, во-первых, она кормила Короля и королевский двор, во-вторых – все три роты Королевских Меченосцев, в третьих – давала пиры и обеды гостям Города, в четвертых... (Что же в четвертых, Главный Повар никак не мог придумать, хотя упорно пытался каждый вторник после обеда.)

А Главный Мажордом так не считал. По его мнению, Главный Повар слишком задавался, и от его кухни было больше копоти и гама, чем пользы. И свое мнение он охотно доводил до ушей всякого, кто желал его слушать.

А Главный Казначей считал, что от Главного Повара и Главного Мажордома сплошной расход, никаких доходов не хватит. И выдавал деньги Главному Повару и Главному Мажордому очень неохотно, морщась и кривясь при этом, словно лимоны без сахара ел.

Что же об этом думал Король никто не знал, – потому что Король молчал себе в тряпочку, занимаясь своими делами и делами Акватики.

* * *

То, что долгое время придется быть немым – это еще полбеда, понял Бублик, когда проголодался. Как бы за это время с голоду не умереть, вот в чем беда.

Неделю Бублик питался молоком через трубочку, потом, когда язык немножко уменьшился, жидкой кашницей с чайной ложечки.

Теперь он молча стоял за своим столом на кухне и молча чистил морковь, лук, свеклу и редьку, пытаясь придумать, как же поставить на место Перца и Батончика.

Ничего не придумывалось. Может, лук мешал, а может, морковь. Единственное, что приходило в голову, – это вызвать Перца на дуэль и изящно прикончить, треснув поварёшкой по лбу.

Но для этого надо было взять несколько уроков фехтования у Непобедимого Забияки (бойца Бетта Спленденс, за которого Бублик всегда болел на турнирах), а он на поварёшках сражаться не умел.

Биться же на шпагах Перец бы наотрез отказался, не стоило и бумагу на вызов тратить.

Как-то утром, когда Бублик в очередной раз изобретал планы отмщения, на кухню пришёл Главный Мажордом, хотя для обеда было ещё рано, а для завтрака слишком поздно...

Вид у Мажордома был загадочный, если только может быть загадочным вид у человека, похожего на бочонок, облачённый в пышные коричневые одежды, украшенные красными лентами.

– К Королю вас! – сообщил он Главному Повару так любезно и предупредительно, что ясно читалось: “Просто так Король не вызовет, не иначе, как для нахлобучки, хи-хи...” – С рецептами!

Главный Повар нахмурился ещё сильнее – а это было почти невозможно, ибо он уже насупился, только завидев Главного Мажордома на пороге кухни. Теперь же его густые кустистые брови почти лежали на багровых щеках.

В оставшуюся между бровями и щеками щёлочку он осмотрел поварят и неожиданно ткнул пальцем в сторону Бублика:

– Ты, сходи за книгой!

Золотой ключ шмякнулся на стол Бублика между тазиком с очистками и тазиком с овощами.

Бублик вытер руки, снял фартук, взял ключ и пошёл в каморку Главного Повара, где в особом шкафу хранилась под замком главная драгоценность Замковой Кухни: книга рецептов.

Она была такая толстая, что ширина и высота у неё были почти одинаковыми. На обтянутых кожей крышках переплёта красовались медные уголки. И больше половины рецептов в книге начинались со слова “Королевский”. “Королевский бульон”, “Королевская запеканка”, “Королевское жаркое”. Даже сухари, которые сушили на кухне после пиров из зачерствевших булочек, назывались гордо “Королевскими сухариками”.

Бублик обхватил книгу рецептов обеими руками, прижал к животу и не без труда вынес на кухню.

Там поварята, путаясь и мешая друг другу, одевали Главного Повара в праздничную парчовую хламиду с широченным бровровым воротником. Недовольно сопя, Повар осмотрелся в стальной блестящий противень вместо зеркала и собственноручно надел на себя тяжелую нагрудную цепь с медалью, на которой была изображена Золотая Поварёшка – главная награда для любого повара Союза Королевств.

– Мальчик у вас что-то хиленький, – заметил, глядя на Бублика с книгой, Главный Мажордом, очень раздосадованный уверенным видом Главного Повара.

– Зато не болтливый! – отрезал Главный Повар. – Ну, пойдёмте.

И он решительно вышел из кухни, громко топая и воинственно шевеля бровями.

Бублику пришлось догонять Главного Повара почти бегом, и это было трудно, ведь книгу тянуло к земле, как хороший булыжник. Бублик надеялся, что со стороны не очень заметно, как ему тяжело.

Главный Мажордом шёл подчеркнуто размеренным, неторопливым шагом, чтобы не потерять достоинства.

И сильно отстал.

* * *

Король ждал в рабочем кабинете, и не один, а с кучей народу. В глазах рябило от нагрудных знаков, цепей и брелков.

На мгновение Главный Повар (а за ним и Бублик), замерли на пороге.

Среди незнакомых лиц Бублик с удивлением увидел тётушку Гирошиму в её обычном цветастом платье с оборками, так не подходящем ко всем этим брелками и рубиновым звёздам, и стал гадать, по какому поводу собралась настолько разношёрстная компания.

Главный Повар выпятил грудь ещё сильнее, что бы медаль с Золотой Поварёшкой бросалась в глаза, и неторопливо вошёл в кабинет, внимательно осматривая всех из-под нависших бровей.

Важно раскланялся с присутствующими и пошёл к двум свободным креслам у овального стола, оставленным для него и Главного Мажордома.

Бублик из последних сил нёс за ним рецепты.

Главный Повар одной рукой взял у него книгу, другой буквально поднял за шиворот и посадил опешившего поваренка в глубокое кресло. Книгу же рецептов с таким размахом приземлил на стол, что столешница возмущённо загудела. И плотно впечатал себя в другое кресло.

Для Главного Мажордома места за столом не осталось. Это была маленькая месть со стороны Повара.

– Ну что ж, раз все в сборе, начнём! – сказал Король.

Опоздавшему Главному Мажордому пришлось идти за табуретом, поставленным в углу для поварёнка, и нести его к столу.

У Мажордома был вид человека, который предпочёл бы, чтобы его немедленно казнили, но только с соблюдением всех прав и привилегий должности.

Бублик, чья макушка в колпаке еле виднелась над столешницей, стал боязливо оглядываться, прикидывая, как же сбежать отсюда.

Соседкой справа у Бублика оказалась тётушка Гирошима, это его обрадовало и придало уверенности, спастись бегством Бублик раздумал.

Что хочет от собравшихся Король, он сначала не понял: Король встал и начал длительно и обстоятельно рассказывать, что такое дипломатия.

Как выяснилось из объяснений Короля, это целое искусство.

– Искусство пудрить мозги и пускать пыль в глаза, – негромко согласилась с Королем тётушка Гирошима.

Настолько негромко, что расслышал только Бублик.

Король невольно развил её мысль, объяснив, что помимо налаживания отношений с соседями, есть такая святая обязанность дипломатии, как поднятие престижа своего государства, то есть уважения к нему, государству, со стороны тех же соседей.

Всё это было интересно, но непонятно для Бублика.

Королевская Кухня и так не щадя живота поднимала престиж Акватики, шкваря и паря для заморских и незаморских гостей такие разносолы, что после радушного угощения они даже говорить не могли, а только икали. Главный Повар всегда утверждал: чем толще уедет от них гость, тем выше будет престиж, тем больше уважения.

Неожиданно Бублика под столом дернула рука Главного Повара, который, почти не разжимая губ, прошипел:

– Открой страницу триста двадцать семь!

Пока Бублик искал нужную страницу, Главный Повар громко кашлянул, поднялся над столом и пробасил:

– Совершенно согласен с вами, мой Король! И не откладывая дела в долгий ящик, для увеличения престижа нашего славного королевства предлагаю переименовать (одним глазом он скользнул по заголовку рецепта) “Рагу по-охотничьи со шкварками, зелёным горошком и апельсинами” в “Королевское рагу по-охотничьи со шкварками, зелёным горошком и апельсинами”!

– Во дурак! – тихо восхитилась тётушка Гирошима к восторгу Бублика.

– Благодарю вас, это излишне, – Король с непроницаемым выражением лица отклонил новое название рагу.

Повар сел с видом человека, который сделал всё, что в его силах и верит: если современники его не поняли, то уж потомки-то оценят обязательно.

– У нас есть другой способ не уронить в грязь славное имя Акватики, – продолжил Король. – Дело в том, что нам прислали несколько необычный вызов на конкурс, я бы даже сказал на турнир по кулинарному искусству. С Архипелага Какао.

– А это где? – искренне удивилась тётушка Гирошима уже не тихо, а во весь голос.

– Там, – неопределённо махнул Король на запад, в сторону моря. Похоже, он тоже не знал, где точно находятся эти острова. – Приглашение-вызов было не нам одним. Сегодня Гонец принёс грамоту из Ньямагола, они уже готовятся отправиться на остров. Думаю, и нам стоит поучаствовать. Ваше мнение, господин Главный Повар? Сумеем мы достойно ответить на вызов?

Главный Повар рукавом протёр медаль с Золотой Поварёшкой, чтобы она ещё ярче заблестела, встал и сказал:

– Разумеется. Недаром я ношу почетное звание “Магистра Кулинарии, Знатока первых, вторых и третьих блюд, Созидателя холодных, горячих закусок и десертов, Почётного Строителя тортов и Изобретателя печений”. За создание торта-шедевра в виде Храма Четырех Солнц (страница четыреста семь! – страшным шёпотом приказал он Бублику), так вот, за создание этого торта из вафель, орехов, карамели и крема пяти видов, я получил в Аквилоне золотой кубок.

– Так это было пятнадцать лет назад, – ехидно вставил с табурета Главный Мажордом. – Где те вафли и орехи...

– Все это прекрасно, но не слишком ли дорого? – задал из кресла вопрос сухонький Казначей. – Может быть разумнее отправить этим дерзким островам грамоту с рецептом знаменитого торта? И дешёво, и без скандала...

– Вы шутите? – всплеснул руками Министр Иностранных Дел. – Если Ньямагол собирает поваров, мы грамоткой никак не отделаемся. Даже смешно!

Он оскорблёно отвернулся от Казначея.

– Я думаю, – сказал Король, – надо тоже послать искусных кулинаров во главе с уважаемым господином Главным Поваром. Снарядим подходящий корабль. Тем более что госпожа Гиросима любезно согласилась принять в этом участие.

Заметив удивлённый взгляд Бублика, тётушка Гиросима наклонилась к поварёнку, и пояснила:

– Объевшихся откачивать!

– Ну что ж, если разработать разумную смету, – протянул Главный Казначей.

– Чтобы никто не мог сказать, что Акватика выглядела хуже своих соседей, – сказал Министр Иностранных Дел.

А Главный Повар заметил, глядя в сторону Главного Мажордома:

– Пятнадцать лет, двадцать... Таланта не пропьёшь! А в прошлом году за рагу из кролика с луком и укропом я получил набор серебряных позолоченных пуговиц!

– Как бы вам не получить в нынешнем году набор дырочек для этих пуговиц, – кисло сказал Главный Мажордом, с облегчением вставая с табурета. – И смотрите, если от вашего поварёнка останутся сальные пятна на обивке кресла, которая стоит пять золотых за локоть, я вычту стоимость ткани из вашего жалования, дражайший господин Главный Повар.

– Одной моей пуговицы хватит на обивку трёх кресел! – важно ответил Главный Повар. – И ежели вы сомневаетесь в моих поварятах, попрошу больше шоколадный торт по воскресеньям не заказывать. Шоколада мало осталось.

– Ну и глупо! – фыркнул Главный Мажордом. – Я вас предупредил, остальное – не моё дело.

Главный Повар хмыкнул и вышел, Бублик в обнимку с книгой поспешил за ним.

Пока шёл совет, да ещё на такую вкусную тему, как кулинарный турнир, Бублик успел проголодаться и разозлился.

А Главный Повар был доволен победой над Главным Мажордомом и находился в приятнейшем расположении духа.

– Табурет, табурет! – громко распевал он на все лады, вышагивая по коридорам, ведущим к Замковой Кухне. – Важный-важный табурет! А пуговицы-то не просто позолочены, – добавил он, прервав пение, – а на два раза. Мастерство в карман не спрячешь! Табурет, табурет, очень важный табурет. Господин Наиглавнейший Табурет. Хо-хо-хо, о-го-го! Виват, кухня!

Бублик же считал повороты, желая одного – поскорее избавиться от книги рецептов.

В коридоре, прячась за статую вставшего на дыбы панака, переминался с ноги на ногу Батончик.

Увидев Главного Повара, он выступил вперёд, и заученно зачастил:

– Мы так волновались, так переживали...

Но Главный Повар и поварам-то пока не собирался рассказывать, зачем его вызывал Король, не то, что какому-то поварёнку. Он взглядом заставил Батончика задвинуться обратно за статую и пошёл себе дальше, продолжая напевать песню про табурет.

Батончик на это и рассчитывал.

Пропустив Главного Повара, он загородил дорогу Бублику, достал из кармана листок бумаги и карандаш.

– Ты! – прошипел он грозно. – Безъязыкий, быстро черкай, что там было!

Голодный и разозлившийся Бублик очень обрадовался, что наконец-то Батончик встал перед ним лицом к лицу, а не напал, как обычно, со спины.

Кивнув, словно соглашаясь, Бублик разжал руки – и тяжелая, как три кирпича, книга рецептов ухнула вниз, на ногу толстому поваренку.

От боли Батончик заверещал на весь коридор.

Главный Повар обернулся и неожиданно быстро очутился около них.

– Так... – отвесил он мощную плюху Батону, увидев на полу листок и карандаш. – Две штрафных смены выносить помои. Ишь, умные, до чужих секретов охочие!

Вторая плюха, но слабее, досталась Бублику.

– В следующий раз лучше урони свою голову, коли руки дырявые. Для того эта великая книга в муках писалась, чтобы ты её ронял?!

Он сам поднял рецепты, сдул с переплёта пылинки, бережно прижал к груди и scomандовал повесившим головы поварятam:

– Ты – вон из замка, а ты – к помоям!

Вот так, не заходя на кухню, довольный Бублик отправился домой.

Глава третья

Кулинарные сборы

Главный Повар недолго хранил распирающий его секрет: на следующий день королевский Глашатай официально объявил всей Акватике, что Архипелаг Какао прислал вызов на кулинарный турнир и отстаивать честь Города поедет целая команда во главе с Главным Поваром Замковой Кухни.

Теперь Главный Повар не снимал с себя цепь с медалью ни днем, ни ночью.

Он срочно заказал самым искусным писцам Акватике копию книги рецептов, только карманного размера. В неё надо было переписать лучшие рецепты из большой книги, отмеченные Поваром.

А чтоб книга входила в карман, пусть даже такой вместительный, как у Главного Повара, писцам пришлось выписывать буквы, глядя в большую увеличивающую линзу, под которой маковое зёрнышко выглядело булыжником.

Чтобы потом можно было разобрать написанное, Главный Повар предусмотрительно приобрел специальную лупу на ручке. Роскошную лупу в медной оправе, с бархатным футляром малинового цвета, в котором лупа могла бы проехать длинный путь до далёких островов без всяких приключений.

К Морским Корабелям были отправлены Гонцы: нанять вместительный корабль с опытным капитаном, который знает путь до Архипелага Какао.

* * *

Ждать пришлось недолго.

Скоро Гонцы прибыли на корабле Морских Корабелов, который гордо назывался «Невеста ветра».

Можно было грузиться и отправляться.

Пока «Невеста ветра» охорашивалась в порту, Главный Повар собрал на кухне всё свое воинство и зачитал список поваров, поварят и посудомоек, кто поедет с ним на кулинарный турнир.

Бублик в список попал, к немалому своему удивлению.

Похоже, что Главному Повару очень понравилась его вынужденная молчаливость, и он подумывал, как бы заставить и других поварят прикусить языки на манер Бублика.

Подумав, Бублик обрадовался, что поедет: во-первых, Перец и Батончик оставались на кухне, а во-вторых, всё равно друзей в Городе сейчас не было.

Данюшки побежали в Предгорье навестить бабушек и дедушек, а Пробой вместе со своим дедом, Мастером Халибом, отправился в Аквилон повидать старых знакомых.

И до школы было далеко: ведь у поварят летние каникулы кончались на месяц раньше, чем у всех остальных: они должны были выходить в Замковую Кухню в августе и весь месяц еженедельно сдавать экзамены за предыдущий год.

По супам и по салатам, по пирожкам и по пирожным.

Или, например, надо было на глазах у комиссии правильно поджарить мясо по-акватикански, по-аквилонски, по-харацински и по-синтайски. И попробуй, перепутай, что в Акватике любят мясо с чесночком и кориандром, а в Аквилоне – с луком и петрушкой.

Экзамены ведь специально проводились после летних поварятских каникул: Главный Повар считал, что надо помнить наизусть пятьдесят рецептов компота всегда, днем и ночью, на каникулах и после них.

А поварята верили, что он никогда не был маленьким, так и родился, сразу поваром IV ступени, наизусть знающим сто пятьдесят рецептов приготовления проклятого компота.

Сборы Бублика были недолгими.

Счастливые отец с матерью, страшно гордые, что их сын едет на кулинарный турнир, купили ему в Лавке Очень Нужных Вещей настоящий морской сундучок.

Ведь всякий знает, что морской сундук отличается от обычного, как моряк от сухопутного жителя.

Моряки не только хранят вещи, но и сидят на своих сундучках, потому что в кубриках табуретов нет. Внизу сундук шире, чем вверху. Специальным крючком его прикрепляют к полу, чтобы во время качки он не ездил туда-сюда. И хороший морской сундучок воду не пропускает.

Бублик не поленился, сбегал с приобретением до фонтана и хорошенько его там проверил. Сундучок испытания выдержал и был признан годным для путешествий за море.

В назначенный день рано утром помощник Главного Повара на тележке, запряжённой тройкой перевёртышей, объехал поваров и поварят, собирая вещи, и напоминая, что Главный Повар строго-настрого велел быть в Замке к полудню, несмотря на то, что официальный сбор назначен на час дня.

В одиннадцать часов утра Бублик надел парадный костюм, светлый, с четырьмя чёрными полосками, с красным воротничком и красно-желтыми манжетами, который носили все Барбусы его рода. Выслушал неизбежные напутствия на дорогу от родителей.

И пошёл в Замок.

Там, в кухонном дворике около Аптекарского Огорода уже толпились участники команды. Всё это напоминало выезд за город на пикник.

Посудомойки судачили о том, из чего этим летом лучше всего получалось варенье. После долгих обсуждений решили единогласно, что из вишни.

Повара вспоминали последний турнир Бетта Спленденс и ругали судей, подсуживающих бойцам.

Половина поваров (болельщики Непобедимого Силача) считала, что судьи были на стороне Забияки, другая половина (поклонники Забияки), – что нагло подсуживали Непобедимому Силачу.

Но все были едины во мнении: этого так оставить нельзя!

Поварята носились наперегонки вокруг Аптекарского огорода и, забыв про парадный костюм, который надо беречь (по словам мамы) как зеницу ока, Бублик присоединился к ним.

Главный Повар, что-то вычёркивающий на ходу из листка бумаги, вышел из дверей кухни пять минут первого и велел всем построиться в колонну по двое (поварята позади).

Сам он спрятал листок в карман, встал во главе колонны, прижал локти к бокам, выпятил грудь с Золотой Поварешкой и важным семенящим шагом повел кухонное войско через Город на пристань к кораблю.

Колонну сопровождал военный оркестр, трубы выпевали марш Меченосцев, гулко бухал барабан, заставляя поваров чеканить шаг.

Родственники и знакомые махали поварам вслед платочками.

Мама Бублика стояла у раскрытого окна, плакала и гордилась.

На пристани их ждали. Капитан «Невесты ветра» стал показывать, где будут размещены люди Главного Повара.

* * *

Полчаса спустя к пристани быстрым шагом подошёл отряд лакеев, возглавляемый Главным Мажордомом, без оркестра и почти без провожающих.

Главный Мажордом страшно разгневался, что Главный Повар увёл поваров на пристань раньше, чем договорились и его, Главного Мажордома, люди пришли вторыми.

Им тоже были отведены места, но какие остались.

Бублик поставил сундучок прямо под указанный ему гамак в поварятском кубрике и выбрался на палубу поглазеть.

Там шла погрузка.

Главный Повар держал в руке плотный желтоватый лист бумаги, исписанный мелким почерком, и ставил на нём большие, жирные галочки.

А на борт заносили мешки с мукой пшеничной крупитчатой, мукой пшеничной первосортной и мукой ржаной сеяной. Мешки с сахаром колотым и сахаром пиленным. (Сахарные головы Главный Повар решил не брать, а купить на месте, хотя разумнее было сделать наоборот).

Потом стали закатывать бочонки с маслом: подсолнечным, арахисовым, оливковым, ореховым, миндальным, маковым, конопляным, соевым... С топлёным сливочным.

Потом стали поднимать ящики с сухими яблоками, грушами, сливами и абрикосами, и корзины со свежими фруктами из числа тех, что могут выдержать долгую дорогу.

Осторожно занесли кедровые ящички с пряностями, стоившими на вес золота.

Палуба корабля запахла гвоздикой, поручни ограждения – корицей, трап имбирём.

К ужасу Капитана его шляпа стала издавать запах кориандра, а борода – кардамона.

Корабельные мачты заблагоухали ванилью, а туго стянутые паруса спрятали внутри себя мятный ветер.

Выглянувший на палубу Главный Мажордом вместо воздуха вдохнул облако душистого перца, чихнул и скрылся.

Протестующе мыча, на борт поднялась корова Сметанка – из её молока готовили отменные сливки. Для прокорма Сметанки в трюме было приготовлено душистое сено с клевером (согласно сметанкиному вкусу).

Но сама корова была совсем не в восторге от будущего путешествия и выразила своё негодование, как могла: проходя мимо Капитана, стоящего рядом с Главным Поваром, она шлёпнула ему под ноги ароматную коровью лепешку, запах которой, словно голосистая солистка, стал перебивать хор пряностей.

Капитан был морским волком и с коровами сталкивался мало. Поэтому от коровьего подарка он резко отскочил в сторону.

– Я же говорил, надо по-нормальному грузиться: сначала груз, потом пассажиры! – пробурчал он.

– Ни за что! – отрезал Главный Повар. – В первую очередь – люди. Чтобы этот проходимец Мажордом занял со своими лентяями лучшие места? Мы грузимся, как надо!

Вслед за коровой грузчики понесли целую вереницу плетеных корзинок, пузатых и приплюснутых, в которых возмущённо квохтали пёстрые куры. Куры должны были бесперебойно давать свежайшие яйца для тортов.

– Сейчас пойдут всякие мелочи, основное погрузили, – пояснил Капитану Главный Повар.

На корабль занесли:

кувшин соды;

бочонок крахмала;

пять горшков дрожжей;
три дюжины бутылок уксуса;
двенадцать дюжин бутылок рома;
десять плотно закрытых банок с цукатами;
тридцать две бутылки ликера шестнадцати сортов;
семь бочонков варенья и пятнадцать банок мармелада (тыквенный решили не брать);
мешок грецких орехов, мешок миндаля, мешок фундука, полмешка арахиса и мешок фисташек.

Капитан стоять устал: ему казалось, что теперь шляпа его пахнет тмином, борода – анисом, а сапоги мускатным орехом.

– Ну вот, это последнее! – потёр руки Главный Повар, исчеркав весь лист кругом.

Лебёдкой на борт подняли ящики с кухонной утварью.

В трюм отправились разнообразнейшие кастрюли; взбивалки пяти видов для кремов, соусов и белков; кухонные доски всех размеров; скалки простые, для раскатывания теста; и скалки рифлёные, для нанесения узора; ножи, тесторезки, выемки; противни, формы для тортов и кексов (и, конечно, маленькие формочки для пирожных-корзиночек). Кондитерские мешки с трубочками-насадками, с помощью которых кондитеры на воскресных тортах писали “Привет от Замковой Кухни”. Отдельным ящиком шли тёрки, ступки и мясорубки – всё, чем размельчали и растирали продукты. Другим ящиком – сита и дуршлаги, поварёшки и половники.

После поварёшек наступило затишье.

– У вас всё? – слабым голосом произнес Капитан, шляпа которого благоухала шафраном, а борода – коричневыми палочками.

– Всё, похоже... – осмотрел свой лист Главный Повар, на котором (на листе, конечно) живого места не было.

Капитан, не скрывая облегчения, вздохнул.

Но тут раздался крик – к кораблю бежал Перец и отчаянно голосил на всю округу:

– Гребёнки забыли!!! Господин Главный Повар, гребёнки забыли!!!

К груди он прижимал длинный пакет.

– К-какие гребёнки? – с недоумением спросил Капитан.

Главный Повар смачно хлопнул себя ладонью по лбу.

– Гребёнки! Ведь знал, что забуду, а записать места уже не было! Гребёнки эти – необходимейшая вещь, – пояснил он Капитану. – Ими на торте, ежели он гладко кремом украшен, а хочется чего-нибудь эдакого, рисуют полоски разные.

И он, не дожидаясь, пока поваренок добегит до корабля, сам поспешил вниз по заскрипевшему трапу навстречу, желая поскорее отправить гребенки к ступкам и формочкам.

Капитан снял и понюхал шляпу, которая отдавала имбирем, сплюнул, и пошёл в каюту, мечтая, как сейчас он достанет буханку чёрного хлеба, отрежет корочку, натрёт чесноком и солью, а потом будет долго-долго нюхать...

А совсем потом съест!

И шляпа его заблагоухает, как обычно, вяленой рыбой, а борода – пивом.

И корабль будет пахнуть правильно: смолой, дёгтем, скипидаром. И чуть-чуть – протухшей водой из трюмов, которая просачивается сквозь обшивку, и которую невозможно до конца откачать...

Когда Главный Повар ушёл присмотреть за правильным размещением груза в трюмах, палуба и трап поступили в распоряжение Главного Мажордома.

На корабль стали заносить ящики со скатертями и салфетками, карточками для меню и именными карточками, блюдами и блюдцами, чашками и бокалами, столовыми ножами-вилками-ложками. Внесли ящик мыла. Вкатили бочонок крахмала для крахмаления скатер-

тей и салфеток, и бочонок соды для чистки ножей и вилок. Занесли чугунные утюги, разогревающиеся угольками и сундук с отборным березовым углём для этих утюгов.

И всё равно, к досаде Главного Мажордома, у него такого внушительного списка, как у Главного Повара, не получилось...

Бублик было решил, что погрузка закончена, но тут поднялась на корабль и встала у трапа тётушка Гирошима, прикрываясь от солнца кружевным зонтиком (разумеется, в непременно оборочках).

Для неё на борт подняли бочонок с касторовым маслом, бочонок с запасным слабительным средством и бочонок с успокоительной микстурой. Два больших сундука и один средний. Этими сундуками багаж тётушки Гирошимы закончился.

Глава четвёртая

Корабельные премудрости

После недолгого прощания, «Невеста ветра» отчалила от пристани Акватики и поплыла вниз по реке к устью, к морю.

Даже в дороге Бублику приходилось полоскать рот каждый час лекарством тётушки Гирошимы.

Язык понемногу уменьшался, но до нормальных размеров было очень далеко.

Корабельные премудрости поварятам объяснили быстро: корма – место капитана и почётных гостей, таких как Главный Повар, Главный Мажордом и тётушка Гирошима, нос – матросское место. А обычные пассажиры путаются где-то посередке.

Якорь поднимают с помощью ворота, который называют шпиль. Первая мачта – это фок, вторая, самая большая и главная – грот. Третья – бизань.

Питаются на судне все по-разному: капитан и почётные пассажиры в кают-компании, все прочие – в своих помещениях.

Самое тёплое место на корабле – камбуз, корабельная кухня. Повар, который кок, топит там дровами специальную печь, и готовит для команды с пассажирами горячую пищу. А чтобы не случился пожар, пол вокруг печи посыпан толстым слоем песка.

Поднявшись на борт, Главный Повар сделал первый визит именно в это помещение к неудовольствию кока, который очень холодно воспринял вторжение в своё царство.

Догадливый Главный Повар удержал рвущиеся с языка советы, как лучше обустроить корабельную кухню, и тихонько покинул камбуз, найдя иное поле для деятельности: заботу о грузе.

Поэтому для поварят на корабле не было не минуты покоя.

То Главному Повару казалось, что в трюме влажно и мука отсырела.

То он подумал, что взбивалки и тёрки недостаточно хорошо упакованы.

То вдруг наткнулся в своей каюте на упитанную крысу и решил, что питается она его, Главного Повара, лучшим шоколадом, предназначенным для торжественных тортов!

И во всех случаях поварятам нужно было сломя голову бежать в трюм, проверять муку и заново упаковывать кухонные принадлежности.

А уж что было с крысой – страшно вспоминать.

Перед погрузкой на корабль всех крыс выгнали, но эта, видно, спряталась и осталась. Шоколад оказался нетронутым, но Главный Повар не успокоился, пока крысу не поймали и не принесли на строгий суд.

Он посадил её в клетку и попросил у тётушки Гирошимы ударную порцию слабительного, чтобы доподлинно узнать, чем питалась обвиняемая.

Только после того, как крысу пронесло, она была признана невиновной, но осталась в клетке до прибытия в первый порт на пути следования.

Мореходы были не очень довольны, что поварята мешаются у них под ногами, то гоняясь за крысой, то вынося на свежий воздух кур в корзинках (чтобы пёстрые квочки не заскучили в трюме, не обиделись и не перестали нести яйца).

А Капитан, раздосадованный тем, что Главный Повар постоянно вмешивается в корабельное хозяйство, не выдержал, и громко сказал:

– Ещё одно слово про кулинарию и продукты – и я спускаю наш флаг, и поднимаю вместо него скатерть!

Только после этого Главный Повар немножко утих, заперся в каюте и принялся сочинять новые пирожные, как музыкант сочиняет песни.

Главный Мажордом, который не выносил проветривать скатерти и не требовал плыть так, чтобы поменьше качало (для удобства капризной коровы), подружился с Капитаном и по вечерам они стали играть в кости. Лакеи захватили с собой шахматы и тоже не скучали.

За тётушкой Гирошимой ухаживал корабельный лекарь, которого потрясла сила её слабительного, проверенного на крысе и он надеялся получить рецепт.

Поварята играли в камешки или рассказывали друг другу страшные истории про чёрного повара и руку в тесте. Или про колдуна Перхотьжора.

Бублик, когда слушать истории надоедало, а в игре не везло, любил пробраться на нос корабля и смотреть оттуда, как парусник бодает волны. Вода, по которой они плыли, была похожа на зеленоватое желе, а брызги блестели на солнце, словно крохотные леденцы.

Когда же приходило время возвращаться, он развлекался тем, что подкармливал крысу в клетке, которую Главный Повар определил жить до порта в кубрике поварят. Потихоньку она начала его узнавать и уже не старалась укусить, как в начале.

Бублик придумал крысе красивое кухонное имя – Солонка, но никто об этом не знал, потому что он по-прежнему безмолвствовал из-за своего распухшего языка.

И крыса тоже не знала, что она теперь Солонка, а не Сахарница или, там, Вазочка.

Глава пятая Перекрёсток

Хотя Западное Море было исплавано Морскими Корабелами вдоль и поперёк, и корабли их были крепкими, способными выдержать многодневные путешествия, всё равно они предпочитали плавать веками выработанными маршрутами: от острова к острову.

Экономя время, Капитан не стал заходить на многие из них, но островок Перекрёсток он миновать не мог: здесь сходились невидимые морские дороги со всех концов Западного Моря.

Ранним утром корабль причалил в гавани столицы острова, которая тоже называлась Перекрёсток.

Целых полдня отдыха на земле! Подальше от качающейся палубы!

Для начала Главный Повар торжественно вынес с корабля и вытряхнул из клетки на пристань крысу Солонку.

Немного ошалевшая от свободы крыса поспешно уволокла хвост подальше от его сапога и спряталась в грудях товаров, ожидающих погрузки на корабли.

А потом все пассажиры «Невесты ветра» поспешили покинуть корабль и гомонящей толпой пошли в город.

Но только шумный порт остался позади, как Главный Мажордом со своими людьми отделился от поваров и направился в сторону, не желая веселиться вместе.

– Ну и ладно, – обиделся Главный Повар. – Ну и пожалуйста!

И свернул в другую сторону.

А тётушка Гирошима, храня строгий нейтралитет, не стала присоединяться ни к той, ни к другой компании, пошла третьей улочкой.

И через десять минут они снова встретились. На рынке. Там торговали всем съедобным и несъедобным, что возили корабли Морских Корабелов в своих трюмах.

Глаза у Главного Повара загорелись при виде лотков с самым разнообразным продовольствием. Окинув пылающим взглядом рынок, он двинулся по рядам с едой. Повара, поварята и посудомойки за ним.

“Ненасытная утроба!” – пробурчал Мажордом и пошёл смотреть скатерти, салфетки и ковры, а тётушка Гирошима, пожав плечами, нырнула в совсем неприметную лавочку, на которой не было ни вывески, ни даже какого-нибудь предмета, указывающего на характер продающихся здесь товаров.

Бублик вертел головой, соображая, к кому бы присоединиться.

Таскаться хвостом за Главным Поваром он не хотел. Все поварята уже жевали местные сласти и фрукты, а ему до сих пор было ничего нельзя, кроме жидкой каши.

Смотреть на скучные скатерти, да ещё в компании Главного Мажордома, не забывшего, как он сидел вместо Бублика на табурете, – тоже не хотелось.

Ну не с тётушкой же Гирошимой идти?

И Бублик отправился осматривать достопримечательности Перекрёстка в одиночестве.

Для начала он решительно повернулся к рынку спиной и пошёл прочь по узким улочкам.

Перекрёсток был выстроен на холмистом берегу. Улочки то пыхтели вверх, то скатывались вниз.

Бублик не успевал вертеть головой по сторонам, пытаясь увидеть и запомнить сразу всё, – ведь это был его ПЕРВЫЙ незнакомый город.

Он думал, как будет рассказывать о Перекрёстке данюшкам и Пробою, теперь на равных с ними, как бывалый путешественник бывалым путешественникам.

Его раздумья прервала одна очень предприимчивая по виду дама. Она остановила Бублика и спросила:

– Скажи, малыш, ты с того судна, что пришло нынче утром?

Бублик кивнул.

– Я хочу предложить свежую зелень для камбуза – дешевле рыночной, очень выгодно.

Вы долго простои́те?

Бублик замотал головой.

– А сколько?

Бублик развёл руками, пытаясь объяснить даме, что ответить не может. Можно было, конечно, высунуть опухший язык, чтобы она отвязалась, но это как-то невежливо...

Впрочем, высунуть язык, видимо, стоило, так как дама быстро сделала выводы:

– Ты дурачок?

Маленький, похожий на обезьянку человек, проходивший мимо, сказал ей:

– Ну что вы плетёте! Просто малыш немой. Сегодня они уходят.

Он обогнул даму, как клумбу, и поспешил дальше по улице.

– Ой, да ты немой, бедняжка! – словно она сама догадалась, запричитала дама и остановила проходящую мимо знакомую:

– Посмотрите, дорогая, такой хорошенький мальчик – и немой!

– Ты немой, дружок? – заинтересовалась та.

Бублик кивнул, чтобы они отстали, но получилось наоборот.

Дамы тут же подозвали третью женщину, соседку второй.

– Сюда, сюда, скорее!

– Что случилось?

– Тут мальчик немой! – затараторили обе наперебой.

Бублику ничего не оставалось делать, как тихонечко сбежать.

Свернув на соседнюю улицу и отбежав так далеко, чтобы сердобольные дамы его не догнали, он снова, не спеша, пошёл по городу, глаза по сторонам.

И снова попал в историю.

На этой улочке среди бела дня грабили лавочку. А, может, и не грабили, может, забирали награбленное.

Во всяком случае, хозяин и его помощник голосили “ТРАБЯТ!”, трое напавших вопили “СВОЁ БЕРЕМ, ХАПУГА!”, а зеваки стояли кругом и откровенно наслаждались зрелищем.

Ну и Бублик подошёл посмотреть – что он, рыжий что ли?

Предметом грабежа был длинный холщовый мешок, который тянули в лавочку хозяин и помощник с одной стороны, трое грабителей из лавочки на улицу – с другой.

Наконец мешок не выдержал и лопнул по шву. Из него на землю лавиной посыпались крохотные белые раковинки.

Отчаянные крики раздались с обеих сторон.

В это время подскочили городские стражи.

Троица, бросив мешок, смешалась с толпой зевак, а зеваки, сообразив, что развлечение кончилось, кинулись врассыпную. Бублик помедлил – и его за шиворот поймал один из стражей.

– А, это ты, поганец?! – рявкнул он.

– Нет! – гордо сказал Бублик.

А получилось обычное “ы”.

Пришлось удирать вместе со всеми, вырвав ворот из цепких пальцев.

“Ну, весёлый город Перекресток!” – подумал Бублик, вытирая пот лиц через пять.

Но дальше улочки пошли вроде бы поспокойнее: народу было мало, домики стояли не так тесно друг к другу.

А отдельные – так и вовсе обособились.

Они были построены на выпирающих из земли скалах и сверху гордо посматривали на соседей. Крутые витые лесенки вели с мостовой к крылечкам, висящим над головой.

Один из домиков особенно привлёк внимание Бублика: скала под ним напоминала голову старого моряка, изборождённого трещинами-морщинами, с усталым обветренным лицом, с плотно сжатыми, потрескавшимися губами. А на макушке, словно шапка, примостился дом.

Бублик обошёл кругом, – нигде не было ни лестницы, ни ступенек, вырезанных в скале, ни скоб. Он заинтересовался и пошёл в обход ещё раз.

И тут сверху его стукнуло что-то тяжелое, да так, что он упал.

А когда, чувствуя звон в голове, поднялся, увидел: из окон дома свисают верёвочные лестницы, по ним спускаются смуглые люди с длинными золотыми серёжками в ушах.

И вид у них самый, что ни на есть, угрожающий.

– Стой! – гортанно кричали они Бублику.

Вспомнив недавний опыт у лавочки, Бублик предпочёл взять руки в ноги и бежать, что было сил.

Люди в серёжках уверились, что мальчишка замешан в чем-то, известном только им, и, едва коснувшись пятками земли, кинулись в погоню.

Будь дело в другое время, Бублик бы просто покрутил пальцем у виска, сказал им: “Вы что, с ума сошли?” – и пошёл бы себе на корабль. Но попробуй что-нибудь объяснить, когда из всех звуков в твоём распоряжении только унылое “Ы”.

И Бублик припустил ещё сильнее.

Ноги его каким-то чудом запомнили дорогу и он, оставив позади ограбленную лавочку, на пороге которой хозяин, причитая, собирал в лукошко рассыпавшиеся раковинки, и трех дамочек, так и стоявших на том же самом месте, что и два часа назад, прибежал на рынок.

Погоня чуть отстала и Бублик, не притормаживая, нырнул в ту самую неприметную дверцу, куда зашла тетушка Гирошима.

* * *

А она, по-прежнему, была там: ещё бы, в лавочке продавали лекарственные зелья, подозрительно смахивающие на колдовские.

Кругом висели когтистые сушёные лапки и чешуйчатые, натёртые маслом до блеска хвосты. Громоздились на полочке вдоль задней стены черепа зверюшек, начиная с самого маленького, наверное, мышиноного и кончая огромным, не иначе как драконовым. Порошки, косточки, баночки с мазями, разноцветные свечи и ароматические палочки грудями покрывали прилавки.

Продавец и тетушка Гирошима общались друг с другом на каком-то птичьем языке, пересвистываясь и перемигиваясь.

– Ад унгвэм, – расслышал единственное различимое Бублик, когда хозяин стал насыпать на чашу маленьких весов порошок, отмеряя нужное его количество с помощью крупных блестящих зёрен неизвестного растения, которые он осторожно брал щипчиками из коробки, и клал на другую чашу.

Бублик выглянул в пыльное окошко – на том пятачке рынка, который виднелся из окна, было тихо.

Тетушка Гирошима, уложив пакетик с порошком в сумку с оборочками, сказала Бублику:

– Посторожи, дружок, мои покупки, а я сейчас.

И хозяин лавки с поклонами повёл её куда-то вглубь дома.

Бублик остался один среди черепов и сушеных лапок.

Он отошёл к самому безопасному прилавку, где костей не было, и в маленьких ящичках красовались самые разные камушки, круглые и плоские, матовые и блестящие, с дырочками и без.

От нечего делать, Бублик стал перебирать их, гадая, для чего они нужны.

– Для лечения разных болезней, для оберега, для многого, – прошелестел хозяин лавки, незаметно пришедший обратно.

Он вынул из ящика кроваво-красный камень, испещрённый чёрными узорами.

– Вот этот помогает в запутанных делах. Возьми.

Бублик взял округлую гальку, гадая, сколько она может стоить.

– Ничего не стоит, – произнёс немислимые для продавца слова хозяин лавочки. – Раз ты с госпожой Гирошимой, это подарок.

Отказываться было неудобно, и Бублик сунул камешек в карман.

Отчаянно чихая, тётушка Гирошима неожиданно вошла в лавочку с улицы, – то есть совсем с другой стороны. И казалась очень довольной.

– Ну, пойдём, – обратилась она к Бублику, – пора. Там что-то интересное завязывается.

Бублик подхватил её сумочку, размышляя, купила ли травница хоть одну черепушку или все покупки ограничились скучными порошками?

Они вышли из лавочки. Бублик огляделся и понял, что никаких людей в серёжках вокруг и в помине нет. Это его обрадовало.

Он искал взглядом своих и увидел: Главный Повар за время, что он, Бублик, обегал полгорода, не продвинулся дальше второго съестного ряда.

Зато после его визита многим торговцам торговать было нечем: Главный Повар скупил подчистую больше дюжины лотков.

Сейчас он с видом крайней заинтересованности стоял около полуголого продавца, весь товар которого состоял из медного тазика, наполненного крохотными красными перчинками. Повара, поварята и посудомойки почтительно стояли позади.

Главный Повар осторожно, двумя пальцами, взял за зелёный хвостик одну перчинку, которая была меньше его ногтя.

Осмотрел её.

Понюхал.

Подумал...

– Нет, господин, не надо! – запричитал торговец, но Главный Повар уже положил перчинку на язык.

Ничего не произошло.

Повар почмокал губами, видимо, пытаясь понять, какая она, на вкус, целая.

Потом с языка переместил на зуб и осторожно, просто ювелирно, сжал челюсти, надкусывая алую запятую.

Глаза у него выпучились, рот раскрылся и почти целая перчинка, на блестящем боку которой еле виднелся слабый след от укуса, упала в пыль.

Повар замахал руками, замычал, заплакал большими (куда больше перчинки) слезами.

Расталкивая всех, он с искажённым лицом побежал к старушкам, торгующим молоком и сметаной, и, выхватив кувшин у одной, осушил его до дна. Потом второй. И третий тоже. И половину четвёртого.

А потом сияющий Главный Повар вернулся обратно, и энергично двигая обожённым языком, косноязычно сказал:

– Великий Торакатум! Вот это перец! Беру всё!

После перца Главный Повар решил, что на сегодня он достаточно насмотрелся, попробовался и напокупался.

И пошёл обратно на пристань, оставив обрадованных подчинённых развлекаться, как хотят.

– Я тоже пойду на корабль, – сказала тётушка Гирошима, с удовольствием высмотревшая всё представление. – С моими покупками лучше по городу не гулять. А ты пойдёшь?

Бублик кивнул. Он набегался и устал.

И недавнее досадное происшествие словно кто-то пеплом посыпал, оно уже не казалось важным и значительным – мало ли что бывает в незнакомых городах.

На корабле было тихо и пусто, лишь грузили на борт покупки, сделанные Главным Поваром на рынке.

Бублик хотел взглянуть на корабли из других мест, но в этот день у пристани был пришвартован всего один корабль, не считая акватиканского.

Он был меньше «Невесты Ветра», и куда потрёпанней. Чтобы его осмотреть от мачт до бортов хватило и пяти минут.

И Бублик пошёл в кубрик качаться в гамаке.

– Кто у вас главный?! Кто у вас главный?! – вдруг услышал он и выскочил на палубу.

У трапа стояла кучка богато одетых, но каких-то помятых людей. Главным украшением их лиц были носы всех форм и размеров. Формы и размеры были разные, – а вот цвет одинаковый, подозрительно сизый.

“Главного” вызывал человек, с носом, похожим на грушу. Бублик тут же окрестил его Грушей.

На палубу вышел недовольный Главный Повар, который прилёг после утомительной прогулки, но жалобные крики его подняли.

– Ну, я Главный, – сухо сообщил он. – Чего надо?

– Господин! – завопили хором люди, а потом Груша, прижимая кулаки к груди, сказал басом:

– Не оставь своих собратьев в беде! Мы тоже повара, и тоже плывем на турнир по приглашению Императора Архипелага Какао. Но случилась ужаснейшая беда – наш корабль по ошибке (люди усиленно закивали головами) уплыл без нас. О горе нам, несчастным, о беда! Прояви великодушие, возьми нас на свой славный корабль, довези до Архипелага!

Главный Повар нахмурился.

– Не бесплатно!!! – увидев его сведённые брови, завопил человек с носом, похожим на помидор. – Мы не все пропи..., то есть изжили, находясь в бедственном положении на этом крохотном острове.

“Этот Помидор причитает так, словно они на необитаемом острове остались!” – подумал Бублик.

Главному Повару отчаянно не хотелось везти на собственном корабле будущих соперников по турниру.

Он сдвинул брови так, что они стали похожи на волнорез, и задумался.

Внизу переминались носатые повара.

К их счастью, на палубу вышла тётушка Гирошима, которую заинтересовали крики и стенания. Она, стоя в сторонке, выслушала всё, потом подошла Главному Повару и твёрдо сказала:

– Чего тут думать, конечно, берём!

И не успел Главный Повар возразить, как тётушка Гирошима обратилась к стоящим внизу:

– Поднимайтесь на борт, милости просим!

Обрадованные повара бегом кинулись к трапу, пока растерявшийся Главный Повар не опомнился.

Первым на палубу вступил человек с носом, как груша. Вторым – с носом, как помидор. Третьим – с носом, как картошечка. Был нос, похожий на загнутый стручок перца, нос, похожий на баклажан. Замыкал шествие повар, чей нос очень напоминал огурец в пупырышках, только не зелёный, а розовый.

– Есть один свободный кубрик, там вы без особых удобств, но разместитесь! – сказала тётушка Гирошима и велела вахтенному матросу:

– Покажи им.

– Ну, спасибо вам, госпожа Гирошима, – прошипел Главный Повар. – Навялили дармоедов на нашу голову, корми их теперь. Может быть, их специально оставили, чтобы от лишнего груза избавиться? А?

Но на тётушку Гирошиму его слова не произвели ровно никакого впечатления.

Она лишь пожала плечами и вернулась к себе.

Потихоньку на корабль стали возвращаться остальные акватиканцы, переполненные впечатлениями, – время отплытия было не за горами.

Задерживались только повара.

До отплытия оставался час с небольшим, а поваров всё не было.

– Я знаю, где эти мерзавцы! – разбушевался Главный Повар. – Я видел, как они поглядывали в сторону пивной! Ну, я им покажу! Оставлю точно так же, как этих, прибудных! Хотя нет, не допущу, чтобы они позорили Акватику, попрошайничая у проходящих кораблей!

И пышущий гневом Главный Повар ринулся на пристань. Поварята гурьбой кинулись за ним и еле догнали у выхода в город.

Главный Повар снова пошёл на рынок, засучивая по пути рукава и грозя поварам немислимыми карами.

Повара, действительно, были в пивной, как и думал Главный Повар. Они сгрудились возле своего товарища, который сидел на скамье, закрыв глаза, и был совершенно зелёного цвета.

Рядом же суетился хозяин пивной, вплескивал руками и мотал головой, трясая жёсткими черными волосами.

– Ай-яй-яй-яй! – причитал он. – Ай-яй-яй-яй! Такой хоросий молодой селовек! А поймал, ой-ё, поймал-подсепил!

– Что поймал-подсепил? – грозно спросил Главный Повар, невежливо тыкая кулаком в спину хозяина.

Тот ничуть не обиделся и не удивился, а, повернувшись к Главному Повару, заголосил ещё громче:

– Морскую лихорадку подсепил! Ой, несчастный он, бедолага, бедная его мама!

Зелёный повар от ужаса пошёл пятнами и, не открывая глаз, застонал.

– Ты что мелешь? Какую такую лихорадку? – растерянно переспросил Главный Повар, зеленея сам от неожиданных новостей.

– Морскую лихорадку, господин, ухом клянусь! – завопил хозяин. – С дальних островов привосят к нам её, сарасу, вместе с товарами. Вьётся в воздухе, невидно-неслышно. Восьмет, пакость, да и прилепиться к кому-нибудь, кто в море первый рас высел.

– И что, сильно опасная? – свёл брови Главный Повар.

– Да нет, не сильная! – замахал руками хозяин пивной. – Недельки две отлесьтятся и как новенький будет. При этой лихорадке главное ведь сто? Подальше от моря дерсаться.

– Да ты соображаешь, что говоришь? – взревел Главный Повар. – Мы через полчаса отплываем.

– А вы на меня орите, – неожиданно спокойным тоном сказал хозяин пивной. – Я вам ничего не садолжал. На корабль ему теперь ход сакрыт – сразу помрёт, как пару рас на волне качнётся, да ветра морского нюхнет.

– Как это не должен, – стал распалать сам себя Главный Повар. Щёки его побагровели, а брови заходили, словно штормовые волны. – В твоей забегаловке он эту дрянь подцепил. Ты, можно сказать, зарезал меня на месте. Кто нам теперь на тортах красивые слова писать будет. А?

– Ничего не снаю! – твердо сказал хозяин. – На нём не написано, где он её подсепил! Комнату я васему больному могу отвести на три недели. Чистую. Светлую. Плата вперед. А больсе я ничего не долсен.

– Не должен?! – стал наступать на него Главный Повар. – У тебя он позеленел – все свидетели. Где я теперь работника найду, а? По рынку побегу с криками? Нет, дорогой, ты мне взамен моего испорченного повара другого искусного человека дай, тогда заплачу тебе за твою конуру. За две недели.

– Нет у меня людей! – завопил, отступая к кухне, хозяин. – Караул, грабят!

Из кухни выскочили хозяину на подмогу пять босых молодцов, чьи головы были туго обвязаны яркими платками.

Увидев это, повара бросили зелёного больного и стали за спиной Главного Повара вместе с поварятами. Численный перевес оказался на их стороне.

– Людей, говоришь, нет? – ухмыльнулся Главный Повар. – А эти?

– Не умеют они писать! – воинственно отрезал хозяин пивной. – Они в школе плохо учились.

– А мы проверим! – махнул рукой Главный Повар. – Соус мне томатный. Быстро!

Хозяин пивной нахмурился, но спорить не стал и шепнул что-то одному из своих людей. Тот принёс глиняный горшок с густым томатным соусом, который добавляли к жареному на углях мясу.

Глядя на хозяина пивной с нескрываемым превосходством и пренебрежением, Главный Повар вынул из кармана карандаш. Картинно топая, прошёл к столу, за которым пировали акватиканские повара, и взял лежащий на нем большой лист бумаги – длинный счёт того, что выпили и съели.

– За счёт заведения! – сказал он и порвал лист надвое.

На чистой стороне одной половины он что-то написал, второй кусок бумаги ловко свернул в пакетик, небрежно накидал ложкой в этот кулёк томатного соуса и маленькими золотыми ножницами, висевшими у него на поясе вместе с зеркалом (ими он подправлял непокорные волоски на бровях), отрезал кончик кулька.

Орлиным взором оглядев пивную, Главный Повар увидел единственный стол со скатертью (важным гостям, для которых заведению ничего не жалко) и сказал своим поварам:

– Сюда несите!

Повара поднесли стол поближе.

Главный Повар положил на него лист бумаги, придавил солонкой. Потом на мгновение застыл, высоко подняв брови. И очень быстро нарисовал соусом прямо на скатерти красный цветочек.

– Хорошая линия, – решил он. – Ты, – ткнул в крайнего молодца за спиной хозяина пивной. – Пиши.

Повинуясь не приказанию Главного Повара, а взгляду своего хозяина, тот нехотя подошёл к столу, скованно взял наполненный соусом кулёк и принялся старательно выводить слова, выписанные на бумажке:

“Слава Главному Повару! Ура!”

– Следующий! – громко сказал Главный Повар, снова наполняя опустевший кулёк.

Среди четырёх корявых надписей, украсивших скатерть, одна была неожиданно красивой, а сделал её молодец самого разбойного вида, завернутый от макушки до шеи в оранжевый шелковый платок.

– Вот этот прохвост подойдёт! – сказал Повар, изучая расписанную скатерть. – Рука довольно твердая и гибкая. Можно поднатаскать. Беру его в обмен на своего. Да смотри мне, что бы ни зелёной точки на моём не осталось.

Он вынул из кошелька несколько монет и небрежно подал их хозяину пивной.

– Воля васа, – сказал с поклоном хозяин. – Сироту всякий обидеть норовит.

– Да я из твоего босяка человека сделаю! – похлопал его по плечу Главный Повар. – Такого писца вылеплю, – с руками оторвут!

Он взял со стола смятый кулек, выдавил из него себе на палец каплю соуса, засунул палец в рот и облизнул.

– Томат, соль, укроп, кориандр, красный перец. Немного масла. Когда упаривали, – чуток подгорел. Растяпа-поварёнок, плохо мешал, – сказал он, вытирая палец о край скатерти.

Чувствуя себя победителем, Главный Повар гордо вышел из пивной.

Глава шестая Происшествия на море

О том, что один повар заболел и оставлен в забегаловке Перекрестка, тётушка Гирошима узнала, когда «Невеста ветра» была далеко в море.

И новости ей очень не понравились.

– Вообще-то, – ядовито сказала она Главному Повару, – меня для того и пригласили, чтобы больными заниматься. Вы оставили на берегу человека, даже не показав мне. О такой болезни, как морская лихорадка, я ничего не слышала. Чем он болен на самом деле? Кто теперь знает?

– Вот видите, – пробурчал Главный Повар. – Зачем же вам его показывать, коли вы морскую лихорадку всё равно не знаете? Он в надежных руках, а в болячках я тоже кое-что смыслю.

Он и сам запоздало понял, что слишком опрометчиво поступил в пивной, но признать правоту тётушки Гирошимы упорно не желал.

– Благодаря мне на борту всего лишь один новый человек, – сказал он, – а благодаря вам – целых семь. Так кто же из нас поступил неблагоразумно, дорогая госпожа Гирошима? Извините, мне некогда.

С этими словами Главный Повар сбежал от тётушки Гирошимы и занялся новым приобретением.

После обеда он спустился на камбуз к коку и переговорил с ним.

Кок, получив согласие Капитана и солидную горсть монет из рук Главного Повара, освободил корабельную кухню, куда пришлось идти человеку в платке.

Главный Повар заперся с ним на несколько часов.

А на полдник команда и пассажиры получили каждый по пирожному, украшенному изображением рыбки.

Нового повара дружно прозвали Оранжевый Платок.

* * *

Ночью Бублик проснулся от неприятного ощущения, что он не один в полотняном гамаке. Кто-то осторожно трогал его холодными пальцами.

Бублик распахнул глаза как раз в тот момент, когда длинный усатый нос ткнулся в его щёку, зашекотал усами.

Солонка собственной персоной сидела на груди у Бублика.

“Ты с ума сошла!”

Вместо слов Бублик постучал себя по голове.

Крыса в ответ тихонько пискнула, словно сказала: “Есть давай!” Свободную жизнь и волю Солонка охотно променяла на кусок хлеба.

Бублик снял с себя крысу, выбрался из гамака и стал рыться в своем сундучке в поисках съестного. Нашел пакетик сушёного чернослива. Таких пакетиков мама положила ему несколько, надеясь, что скоро он сможет есть не только жидкую кашу.

Солонка уселась на полу рядом с сундучком на задние лапы, передними аккуратно, как ручками, взяла черносливину и стала её обкусывать.

Бублик не знал, плакать ему или смеяться. Вот уж кому не обрадуется Главный Повар, так это Солонке.

Значит, придется её прятать...

Думая об этом, он снова задремал, но в самую глухую пору поварят вдруг разбудил дикий вопль.

Они так и подскочили в своих висячих полотняных кроватях.

Кричал Укроп, поварёнок, чей гамак был ближе всего к выходу.

– Ты чего?! – накинулись на него все.

– Там кто-то был!!! – вопил, показывая на дверь, белый, как сметана, Укроп. – Я видел тёмного человека в дверях!

– А серой крысы в чёрной комнате ты не видел? – не поверили поварята.

– Он там стоял! – упирался Укроп.

– Приснилось это тебе, – стали успокаивать его поварята. – Спи, Укропчик.

Постепенно Укроп успокоился и уснул, но его пример оказался заразительным.

Не прошло и двух часов, как новый звук – совсем уж ни на что не похожий – заставил поварят в ужасе вскочить.

Кто-то подвывал в углу кубрика.

Прошло немало времени, пока испуганные поварята разобрались, что это стонет во сне Орешек, напугавшийся укропчикового тёмного человека.

Они снова разбрелись по гамакам, но к тому времени почти рассвело.

* * *

Второе пришествие Солонки на борт никто не заметил: было не до неё.

«Невеста Ветра», плывшая до того в исключительно благоприятных условиях, попала в первый за плавание шторм.

Разбушевавшееся море долбило в борта корабля упругими водяными кулаками, заваливая его то на один бок, то на другой, иногда подбрасывая в воздух, чтобы снова поймать и яростно укачивать.

Теперь большая часть пассажиров лежала пластом, не в состоянии ни есть, ни двигаться. Кого не тошнило, того рвало.

Главный Повар, принявший шторм как личную обиду, пришёл к Капитану и завопил, что теперь Сметанка будет давать прокисший творог вместо молока, а у кур в яйцах желток и белок перемешаются до омлета. И потребовал прекратить шторм.

Капитан посоветовал Главному Повару обратиться непосредственно к ветру и морю, и добавил, что добровольно теперь даже поварёнка сухопутного не повезет, если его и озолотят за это.

А Главный Мажордом, присутствовавший при разговоре, и второй день вместо еды пивший маленькими глоточками воду, при слове омлет скривился и, зажимая рот, поспешил прочь из кают-компании к ближайшему борту.

Кучка отставших от своего корабля поваров с сизыми носами боролась со штормом усиленными дозами горячительных напитков.

Борьба была небезуспешной: напившихся поваров так качало, что им было глубоко всё равно, переваливается ли корабль с боку на бок, или нет, качки они не замечали.

Главного же Повара и шторм не брал: лишний раз пройтись по кораблю он, конечно, не рисковал, но и аппетита не утратил.

Не действовала качка и на нового кондитера.

Главный Повар очень этому обрадовался и отправил его проверить, не испортились ли от шторма продукты в трюмах.

– Посмотри всё тщательно, – напутствовал он, – от этого конкурс зависит.

Новичок отнёсся к поручению очень ответственно и не успокоился, пока не исследовал каждый уголок трюма, каждый мешок и ящик.

Главный Повар был весьма доволен, а сам Оранжевый Платок – нет. Когда проверять стало нечего, он помрачнел.

– Вот работник! – восхищался Главный Повар. – Не чета вам, дармоедам. Только и знаете, как продукты переводить: не успели съесть, а уже к борту бежите, да обратно вываливаете. Морская болезнь, морская болезнь! Лишь бы от дела отлынить!

И (в награду) он послал работающего новичка убирать каюты тех, кто не успел добежать до борта.

Повар с Перекреста снова воспрял духом.

– Наверное, это у него такое средство от морской болезни, – решили поварята. – Должен что-то делать, иначе тоже свалится. Сумасшедший, одним словом.

Сами они почти все оправились от морской болезни на следующий день, и их больше не тошнило от безумной качки. Но на глаза Главному Повару не показывались, чтобы он не привлёк их вместе с человеком из пивной к какому-нибудь полезному, но неприятному делу.

Они по очереди бегали на камбуз за кашей, сухарями и компотом для всех. Бублик съедал свою порцию каши и выпивал компот, а сухарь оставлял для Солонки. Днём она пряталась в каком-нибудь тёмном закутке, а ночью прибегала за едой.

Бублик жалел, что нельзя её рассекретить.

Девизом Главного Повара (справедливым, конечно...) было: “КРЫСА – ВРАГ КУХНИ!”

“Но ведь жизнь из одной кухни не состоит...” – думал, вздыхая Бублик, глядя спинку крысы. – “Она ведь даже не серая, а бежево-кремовая. Почти морская свинка, только умная и не лохматая. И всё равно крику будет, если её найдут...”

А Солонка и не думала находиться, и второй раз попадать в клетку не собиралась.

Вечного ничего не бывает, и шторм утих. Все стали понемножку оживать, но утром не досчитались самого стойкого: человека с Перекрёстка.

Поварята бросились на его поиски, – и нашли лежащего без сознания у гальюна на носу «Невесты ветра». Кто-то треснул нового повара по оранжевому платку, прямо по темечку, чем-то тяжелым.

Корабельный лекарь, который лечить совсем разучился (ну не болели Морские Корабелы!) отказался даже подходить к раненому и позвал тётушку Гирошиму.

Она осмотрела бесчувственного Оранжевого Платка и нахмурилась:

– Его не просто оглушили, а ещё и по ноге стукнули.

– Сломали ногу? – ужаснулся Главный Повар. – За что?

– Не сломали, к счастью. Но отёк сильный. А за что...

Тётушка Гирошима пожала плечами и велела отнести раненого в корабельный лазарет.

А когда Главный Повар отошёл, она, собирая свои инструменты, пробурчала:

– Я бы спросила не “за что”, а “зачем”? Веселенькое у нас путешествие!

Человек с Перекрёстка скоро пришёл в сознание, но кто на него напал, так и осталось загадкой.

– Не знаю, – бубнил он гнусаво. – Сзади напали.

И нога, и голова у него были забинтованы.

– Может, это кто-нибудь у нас после шторма рассудком поехал? – шёпотом спросил Главный Повар у тётушки Гирошимы. – Может, он теперь всех у туалета караулить будет, а? И ноги ломать? У вас нет микстуры для сумасшедших, то есть от сумасшедших?

– Для вас персонально есть! – пообещала тётушка Гирошима и подмигнула Бублику, который полоскал рот.

– Нет, я всё-таки предупрежу Капитана! – решительно сказал Главный Повар. – С сумасшедшими шутить нельзя.

И ушёл.

Бублик тоже пробыл в лазарете недолго, – тётушка Гирошима дала ему склянку с каплями, которые надо было пить на ночь, чтобы поскорее заживало, и он отправился к себе.

Но, проходя мимо каюты Главного Повара, увидел, как хвост Солонки исчезает за открытой дверью.

Бублику стало плохо.

Помимо прочего, на рынке Перекрёстка Главный Повар купил кулек местных благоухающих сластей на пробу, а Солонка, видимо, решила попробовать их раньше...

Бублик кинулся за крысой.

Солонка важно, как к себе домой, вошла в каюту и направилась под кровать, прикрытую от потолка до полу красными парчовыми шторами.

Бублик раздернул шторы и опустился на четвереньки.

Под кроватью, рядом с дорожным сундучком, ночным горшком и домашними шлепанцами сидела счастливая Солонка. И не одна, а в компании с другой крысой, больше и тоще её.

“Ничего себе, колбаса варёная, не только вернулась, но и друга с собой на корабль привела! Ай да Солонка!” – Бублик протянул руку, но друг Солонки предупреждающе пискнул, всем своим видом показывая, что укусит сразу.

А Солонка вдруг страшно заинтересовалась розовыми цветочками на ночном горшке, предоставляя мужчинам возможность разобраться самим.

Глаза у Бублика привыкли к подкроватному полумраку и он увидел что крыса, то есть крыс, защищает кучу крошек в дальнем углу – видно Солонка носила сюда Бубликовы сухари, а её друг не только ел за обе щеки, но и собрал запасец на черный денек.

“Скряг, – вот ты кто!” – дал имя крысу Бублик.

Занятый крысами, он не расслышал шагов в коридоре, а когда сапоги забухали у самой каюты, бежать было некуда – не под кровать же, в компанию к гневно шипящей крысе и ночному горшку!

Бублик вскочил, не зная, что делать.

Дверь открылась, в каюту вошёл Главный Повар.

– Ты чего? – хмуро удивился он.

Бублик стоял.

Потом растерянно протянул Повару ладонь с зажатым пузырьком лекарства тётушки Гирошимы.

– А, это... – Повар, сопя, сел на кровать, стянул с себя сапоги и на ощупь нашарил домашние тапочки. Из-за тучности ему было тяжело наклоняться. – Уже не надо. Отнеси обратно. Капитан сказал, что выставит охрану на носу.

Бублик пулей вылетел из каюты, забыв и про Солонку, и про Скряга, мысленно благодаря Великого Торакатума за то, что Главный Повар принял его пузырек за микстуру от сумасшедших.

Пытаясь успокоить колотящееся о ребра сердце, он обошёл весь корабль, потом забрёл в небольшое помещение, где хранились корабельные канаты, свёрнутые в тугие кольца, запасные паруса, пакля и дерево. Сел на бухту каната, закрыл глаза.

И стал думать, что с одной стороны он, Бублик, паруса, канаты и пакля, а с другой – всё море. А между ними – деревянная стенка, нашитая на корабельные рёбра.

В уютной темноте, где пахло дёгтем и смолой, он задремал, но его разбудили крохотные цепкие лапки, упорно поднимающие владельца по бубликовой куртке к плечу.

Солонка пришла мириться.

Бублик был зол на неё и мириться не желал.

Но крыса уселась на плече и стала виновато тыкать холодным влажным носом в ухо.

Это было смешно и щекотно, и Бублик понемногу оттаял.

“Ладно...” – мотнул он головой и погладил Солонку по спинке.

Крыса обрадовалась, что её простили, затанцевала на плече, а потом вдруг полезла Бублику на голову.

Бублик немножко испугался, не понимая, что она задумала, но, оказалось, Солонка решила поиграть.

Забравшись поварёнку на макушку, она уселась там, и лихо съехала по лбу и носу, как по ледяной горке.

Плюхнувшись на грудь Бублика, Солонка ловко перевернулась и быстро заспешила наверх.

“Да уж, вот завёл себе домашнего питомца...” – думал Бублик, пока Солонка скатывалась с его головы. – “Враг кухни, проныра, нахалка, да ещё не одна, а с дружкой! Нет бы Главному Повару черепаху у себя в каюте поймать – тогда бы хлопот не было!”

Беззаботная Солонка радостно попискивала, соскальзывая с носа, как с трамплина, а в каюте Главного Повара, который задремал на кровати, хрупал сухарями, спрятавшись за ночным горшком, толстый, лоснящийся Скряг.

* * *

После шторма установился хороший попутный ветер.

«Невеста ветра» воспряла духом, расправила паруса и понеслась во весь опор.

Утром Капитан увидел за кормой чёрное двухмачтовое судно.

“Не обгонишь!” – подумал он и приказал поднять ещё парусов.

«Невеста ветра» прибавила ходу.

– Ха, им нас теперь не перегнать! – объяснил довольный Капитан Мажордому и Повару, стоявшим рядом с ним на корме и любовавшимся морем.

Чтобы паруса выдерживали напор ветра, их, не переставая, смачивали водой.

– А это ещё зачем? – кисло осведомился Мажордом, которому не очень нравилась большая скорость судна.

– Господин Мажордом, – тут же встрял довольный Повар, – даже я знаю, что льняное полотно в мокром состоянии становится крепче и туже. А под вашим началом, по-моему, тысяча льняных скатертей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.